

Annotation

Об авторе

Агафонов,

Николай

Викторович (род. 13 апреля 1955, Тольятти) — протоиерей, священник Русской православной церкви, известный православный писатель, лауреат Всероссийских литературных премий «Хрустальная роза Виктора Розова» за 2005 год, и «Святого благоверного князя Александра Невского» за 2007 год, автор нескольких сборников рассказов и двух исторических романов.

Книги

«Преодоление земного притяжения», Самара, 2004 г.

«Неприкаянное юродство простых историй», изд.«Библиополис», СПб 2004 г.

«Мы очень друг другу нужны», изд.«Библиополис», СПб 2005 г.

«Чаю воскресение мертвых», Издание Сретенского монастыря, Серия

«Библиотека духовной прозы», М. 2006 г.

«Дорога домой», изд.«Сибирская благовоница», М. 2006 г.

«Иоанн Дамаскин», исторический роман, Издание

Сретенского монастыря, серия «Современная православная проза», М. 2007 г.

«Непридуманнные истории», изд.«Русская симфония», СПб 2008 г.

«Отшельник поневоле», Издание Сретенского монастыря, серия «Библиотека духовной прозы», М. 2009 г.

«Жены-Мироносицы», исторический роман, Издание Сретенского монастыря, серия «Библиотека духовной прозы», М. 2009

-
- [Рассказы для детей](#)
 - [Нерушимая стена](#)
 - [Разведчик](#)

Рассказы для детей

Нерушимая стена

В День Победы, 9 Мая, настоятель и священники ушли после службы возлагать венки на холм Славы, а я задержался в храме, чтобы подготовить ноты к вечернему богослужению, и тут моё внимание привлёк статный пожилой мужчина, вошедший в полупустой храм. По наградным планкам и ордену на лацкане пиджака в нём можно было безошибочно угадать ветерана Великой Отечественной войны. В одной руке он держал сумку, а в другой — букет цветов и как-то беспомощно оглядывался кругом. Затем он подошёл к свечному ящику

и стал разговаривать со свечницей. Она ему показала на дальний левый угол храма, где располагался канун с панихидным столиком. Купив свечей, он пошёл в указанном направлении. Проходя мимо иконы Божией Матери „Нерушимая Стена“, мужчина вдруг остановился как вкопанный, устремив взгляд на икону.

Я закончил разбирать ноты и спустился с хоров, чтобы идти домой, а он всё ещё стоял перед иконой. Когда я проходил мимо, то увидел, что по лицу ветерана текли слезы, но он, по-видимому, их не замечал. Мне вдруг захотелось подойти к нему и что-нибудь сказать

утешительное. Подойдя к иконе, я встал рядом с ним. Когда он повернулся ко мне, я приветствовал его лёгким поклоном:

— С праздником Вас, с Днём Победы.

Я был в подряснике и он, по-видимому, принял меня за священника:

— Спасибо, батюшка. Скажите мне, пожалуйста, что это за икона?

— Я не священник, а регент церковного хора. Это икона Божией Матери, именуемая „Нерушимая Стена“.

— Теперь мне всё ясно, именно она была с нами на Курской дуге, под Прохоровкой.

— Расскажите, пожалуйста, это очень интересно, — попросил я.

— Как Вас зовут, молодой человек?

— Алексей Пономарев, а Вас?

— А меня Николай Иванович. Я приехал в ваш город, чтобы повидаться со своим боевым товарищем. Но немного опоздал. Мне сказали, что он недавно умер и похоронен здесь, на кладбище, недалеко от храма. Вот я и зашёл в церковь, чтобы свечку поставить за упокой его души.

— На этом кладбище, — заметил я, — давно уже не разрешают никого хоронить. Но совсем недавно сделали исключение,

разрешили похоронить нашего церковного старосту — Скорнеева Сергея Викторовича. Он тоже был ветераном Великой Отечественной войны.

— К нему-то я и ехал, да, видать, не судьба, — печально молвил Николай Иванович. — Вы меня, Алексей, не проводите к его могиле?

— Отчего же, провожу, у меня сейчас до вечерней службы время свободное. Кстати, Сергей Викторович всегда перед этой иконой во время службы стоял и молился.

Когда мы подошли к могиле, Николай Иванович, обнажив голову,

бережно положил букет цветов на могильный холмик. А потом, снова надев свою кепку, козырнул по-военному:

— Спи спокойным сном, боевой мой друг, Сергей Викторович. Вечная тебе память.

Мы присели на скамейку рядом с могилой, и Николай Иванович разложил на столике, стоящем здесь же, у скамьи, нехитрую снедь: яйцо, пироги, хлеб и луковицу. Затем достал старую металлическую фляжку и две металлические же кружки.

— Слышал, что покойника водкой не положено поминать. Но я не поминать, а хочу с ним выпить

наши сто граммов фронтовых за Победу. Сейчас все из пластмассовых одноразовых стаканчиков пьют, а я не могу, вот специально кружки взял. Фляжка эта у меня ещё с фронта осталась. Так сказать, боевая реликвия. У меня её даже в школьный Музей боевой славы просили отдать. А что, и отдам, всё равно скоро за Сергеем следом пойду.

Он разлил по кружкам и предложил выпить мне, но я отказался, сославшись на вечернюю службу. Тогда он поставил одну кружку на могильный холмик, а вторую, приподняв, торжественно сказал:

— За Победу, товарищ старший лейтенант! Выпив, присел к столику и, закусив, молча сидел, не торопясь пережевывал хлеб с луком. Затем достал пачку „Беломора" и, вынув папиросу, также молча, в какой-то углубленной задумчивости долго разминал её между пальцев. Наконец, прикурив, сказал:

— Вы, Алексей, просили меня рассказать, что случилось под Прохоровкой на Курской дуге. Хорошо, я расскажу то, что никому ещё не рассказывал. Пусть это будет исповедью солдата. Как Вы заметили, я — человек нецерковный, но Бога никогда не отрицал. А уж на фронте часто приходилось

вспоминать о Нём. Атеистов на войне не бывает.

Школу я окончил перед самой войной. А уж как война началась, сразу в военкомат пошёл записываться добровольцем. Меня послали на ускоренные офицерские курсы артиллеристов. А через шесть месяцев недели лейтенантские петлицы — и на фронт. Во время Сталинградской битвы я уже был командиром батареи в звании капитана. Горячие были дни: сегодня ты взводом командуешь, завтра — ротой, а послезавтра... один Бог ведает. Наш артиллерийский полк стоял чуть выше Калача-на-Дону, когда мы завершили окружение

армии Паульса, которое немцы отчаянно пытались прорвать. Наводку орудий нашей батареи нам передавали из штаба полка по телефонной связи. В самый разгар боя получаю из штаба координаты наводки прицела: „Трубка минус пятнадцать“. Шарахнули из всех орудий. Через пять минут на связи сам командир полка, кроет меня трёхэтажным матом: „Ты что, — говорит, — сукин сын, под трибунал захотел? Так не дожدهшься. Я сейчас самолично приеду и тебя шлёпну“.

— Что случилось, товариш подполковник? — кричу я в трубку.

— Ты ещё, сучье вымя, спрашиваешь меня, что случилось?

Ты же залпом накрыл два наших взвода пехоты.

Я передал командование заму и бегом к связистам в штаб полка. В голове стучит, бегу, как пьяный. Влетаю к связистам, а там сидят две молоденькие девчонки — одна грузинка, другая русская — и лясы точат с двумя бойцами. А по инструкции во время боя в помещении связистов строго-настрого запрещено быть посторонним. Вид у меня, наверное, действительно бешеный был. Этих двух бойцов как ветром сдуло. Девчонки ни живы ни мертвы сидят, на меня глаза вытаращили. Я спрашиваю их:

— Какую мне последнюю наводку передали? — Трубка минус пятнадцать, — говорят они.

— Ой, — вскрикнула грузинка, — простите, ошиблись: не минус пятнадцать, а плюс пятнадцать.

— Ах, вы, стервы поганые, это же на полтора километра разница. Из-за того, что вы здесь шуры-муры да амуры крутите, я наших бойцов положил.

Вскидываю свой автомат, передергиваю затвор и очередью обеих... До сих пор вижу, как они в отчаянии свои руки выставили вперед, словно пытаюсь загородиться ими от пуль. Бросил автомат рядом с

ними. Вышел, сел на ящик из-под снарядов, и тут меня такое отчаянное безразличие охватило. Сижу, смотрю на всё кругом, как в замедленной съемке. Схватили меня, повели на военно-полевой суд. Тогда эти дела быстро решались. Передо мной судили двух дезертиров, так им сразу лопаты выдали, чтобы могилы себе копали. Мне лопату не дали, только подошёл один из тройки военно-полевого суда и сорвал с меня капитанские петлицы. Думаю: „Пусть срывает — главное, не расстрел“. Короче, присудили мне штрафной батальон, практически та же смерть, но всё же в бою. Здесь, в штрафбате, я и познакомился с

лейтенантом Скорнеевым Сергеем Викторовичем. Он у нас был командиром роты. Если мы, рядовые смертники, были из осуждённых за разные провинности, то офицеры, нами командовавшие, не были из проштрафившихся.

В это время готовилась грандиознейшая из битв в истории человечества — битва на Курской дуге. Нашей роте поручили во что бы то ни стало удержать одну высоту в районе Прохоровки. Окопались мы на высоте и ждём фрицев. Внизу нас ждут свои же заградотряды.

Высота господствующее положение занимает, да ещё справа от нас артиллерийский расчет

расположился. Для дальнейшего наступления эта высота немцам ох как нужна. Просили они на нас свои отборные силы.

Не помню, сколько нам атак пришлось отбить. Кто бы что ни говорил, но немцы — хорошие вояки, храбрые и дисциплинированные. Нелегко нам пришлось. Атака за атакой. И бойцов-то у нас уже почти не осталось, но мы каким-то чудом продолжаем держаться. Наконец, остались от всей роты только трое: наш лейтенант Сергей Викторович да нас двое на пулемётном расчете. Первым номером — бывший подполковник, а я у него вторым номером. Этот подполковник в

штрафбат по пьянке залетел. Что-то натворил в части. Сам он мне рассказывал, что бабу они с одним штабным не поделили, вот тот ему и подсуропил.

Сидим, ждём последнюю атаку. Немцы почувствовали, что у нас уже не осталось бойцов, и с новой силой в атаку поперли. Мы их подпустили поближе и дали им прикурить из пулемёта. Подзалегли они и давай по нам из пушек долбить. Мама родная, всю землю рядом перепахали снарядами, а мы, слава Богу, живы. Я во время боя оглядываюсь назад, вижу, стоит женщина с поднятыми руками. „Вот тебе на, — думаю, — что за наваждение, откуда здесь

женщина, уж не мерещится ли это мне?" Опять оглянулся — стоит. Да не просто стоит, а как бы своими ладонями, повернутыми к врагу, стену невидимую воздвигла. Вроде как бы немцы на эту стену натываются и назад откатываются.

Батарея, которая от нас справа стояла, умолкла. Видно, побили весь артиллерийский расчет. Тут „тигры“ пошли, справа и слева высоту обходят. С левой стороны наши Т-34 выскочили. Что тут началось, такого я ещё на фронте не видывал. Наши танки с ходу на таран „тигров“ пошли. Железо на железо. Кругом танки горят, люди, как живые факелы, из них выскакивают, по

земле катаются. Не поймешь уже, где наши, где немцы, все перемешались. Но их наступление на левом фланге захлебнулось. А справа „тигры“ продолжают обходить, в тыл наших позиций устремились.

Я говорю: „Товарищ лейтенант, давайте сделаем рывок к батарее, может, там пушка какая целая осталась?“ Он говорит; „Ты что придумал? Нам приказ здесь насмерть стоять, ещё подумают, что мы отступаем, свои нас же и прикончат“. Оглянулся я, а женщина, которая стояла за нами, вправо от нас переместилась, ближе к батарее. Тут лейтенант говорит:

— Пошли, ребята, будь что

будет.

Рванули мы в сторону батареи. Прибегаем туда, а там уже немцы хозяйничают. Мы с ходу на них. Вначале очередью из автоматов, а потом врукопашную доби́ли. Момент внезапности сыграл свою роль. Хотя их в три раза больше было, но всех уложили. Тут я взял инициативу в свои руки, лейтенант-то — не артиллерист. Разворачиваем мы одну уцелевшую пушку — и сбоку по „тиграм“. Те тоже растерялись, им-то ведь доложили, что артиллерия противника погашена. Три „тигра“ нам удалось сразу подбить. Четвертый по нам шарахнул. Меня контузило и легко ранило в левую

руку. Смотрю, у моего первого номера осколком голову срезало: жуткая, скажу я, картина. Лейтенанту Сергею Викторовичу осколком ногу перебило. Лежит бледный, от боли землю зубами грызет. „Тигр“ прямо на нас прет. Ну, всё, думаю, конец. Взял противотанковую гранату и жду. Оглянулся, стоит та женщина над нами, мне легче на душе стало. Откуда-то появилась уверенность, что это ещё не конец. Привстал я, метнул гранату в „тигра“, под гусеницу угодил. Завертелся танк волчком. Тут и наши „тридцать четверки“ подоспели.

Из госпиталя лейтенанта домой

комиссовали, ногу пришлось отнять. А мне — реабилитация. Ведь в штрафбате — только до первой крови. Звание, конечно, не вернули, так рядовым до Берлина и дошёл. А после войны решил своего лейтенанта разыскать. Да всё как-то откладывал с одного года на другой. А тут, думаю, откладывать некуда, сердечко стало напоминать, что немного осталось по земле топтаться. В прошлом году нашёл его адрес через ветеранские организации. Списались и решили встретиться в этом году на 9 мая. Как видите, не дождался меня Сергей Викторович. Зашёл в ваш храм, гляжу на икону, а на ней — та самая

женщина, которая нас под Прохоровкой спасла. Оказывается, это Матерь Божия. Я, между прочим, тогда ещё об этом подумал. Ну, мне пора, пойду потихоньку на поезд. Спасибо Вам огромное, молодой человек. Даст Бог, на следующий год приеду на годовщину Сергея Викторовича.

На следующий год я так и не увидел Николая Ивановича в нашем храме. Наверное, два фронтовых товарища встретились, но уже не в этом мире. Теперь каждый раз, когда я прохожу мимо иконы Божией Матери „Нерушимая Стена“, останавливаюсь перед ней и молитвенно поминаю всех воинов,

вставших нерушимой стеной на пути
врага нашего Отечества под
благодатным покровом Царицы
Небесной.

Самара, ноябрь 2003

Разведчик

I

Капитан Курт Биргер, он же советский разведчик Глеб Эдуардович Серьговский, шел по перрону Берлинского вокзала, направляясь к пассажирскому составу поезда. Дорогу к вагону ему преградил патруль железнодорожной охраны. Молоденький лейтенант, козырнув, вежливо попросил предъявить документы. Серьговский поставил свой чемодан, затем, не торопясь, снял перчатки, достал из

внутреннего кармана шинели документы и протянул их начальнику патруля. Ему не о чем было беспокоиться, документы подлинны, а печать на его вклеенной фотографии так искусно подделана, что этого даже не заметили в комендатуре, куда он заходил отмечать свой отъезд на фронт после отпуска. Лейтенант, внимательно изучив документы, возвратил их Серьговскому и, пожелав ему счастливого пути, направился к другому офицеру, спешащему на поезд. В купе Серьговский с педантичной немецкой аккуратностью разложил свои вещи и сел к окну.

Поезд тронулся. Глядя на проплывающие мимо окна предместья Берлина, он вспоминал довоенную Германию и невольно сравнивал с сегодняшним днем. Затем мысли его вернулись вновь к предстоящей операции. Задание было для него необычное. Такого опыта работы у него еще не было. Более десяти лет работы в Европе на «нелегалке», это конечно неплохой опыт для разведчика. Но, одно дело выступать в роли мирной профессии журналиста, а другое — самому перевоплотиться в немецкого офицера, стать одним из них, да так, чтобы поверили. Страх не было. Скорее было чувство беспокойства:

справится ли с заданием, оправдает ли высокое доверие? Вообще Серьговского можно было бы считать человеком бесстрашным. Но один раз в жизни страх все же завладел его сердцем, да так, что сковал всю волю и довел до состояния безысходного отчаяния. Это было, когда он попал в подвалы собственного ведомства на Лубянке, перед самым началом войны. Отозвали его из Германии после того, как он передал сведения о готовящемся скором нападении Германии на Советский Союз. Уже первые допросы убедили его, что живым он отсюда не выйдет. Вот это полное бессилие что-либо изменить

в своей судьбе, полная абсурдность положения и приводили в отчаяние, поселяя в душе липкий холодный страх обреченной жертвы. Сидя в камере после вынесения смертного приговора, 21-го июня 1941 года, он вспомнил, как сам, будучи молодым следователем ЧК, подводил под расстрел бывших офицеров царской армии, священников и профессоров, дворян и купцов только за то, что они являлись классовыми врагами. Он верил, или вернее хотел верить, что если подследственные ничего не совершили в данное время, то при благоприятной возможности обязательно бы совершили, а коли так, значит они контра. Времена

изменились, теперь НКВД отдыхалс
в выходные дни. Работа была
отлажена, торопиться было некуда.
Расстрелять можно и 23-го июня. Но
22-го началась война и это спасло
Серьговского. А вскоре он, по
ходатайству самого Судоплатова, уже
трудился в аналитическом отделе
разведки генштаба армии.

В купе постучали, и сразу же
ввалился полный лысоватый
оберстлейтнант¹. Отирая вспотевшее
лицо платком и отдуваясь, он
буквально повалился на диван:

— Простите, господин капитан,
но этот патруль меня чуть до
инфаркта не довел. Видите ли, ему
не понравилось, что у меня нет

отметки комендатуры. Этот лейтенант видимо здесь шпионов ищет. Пришлось звонить в канцелярию Канариса, чтобы поставить этого сопляка на место.

— Что же поделать, господин оберстлейтнант, — развел руками Серьговский, — идет война, бдительность необходима.

— Да это я понимаю, — махнул тот платком, — сам шпионов выявляю, — и с усмешкой добавил, — только ведь когда на поезд опаздываешь, своя же собственная национальная черта: пунктуальность и исполнительность — начинает действовать на нервы. Ладно, не будем больше об этом.

Простите, не представился. Эрих фон Кюхельман, — протянул он для пожатия свою потную руку.

— Курт Биргер, — пожал ему руку Серьговский.

— Куда держите путь, господин Биргер, — поинтересовался Кюхельман.

— Был в отпуске после ранения, теперь возвращаюсь на восточный фронт, под Сталинград.

— Ого! — присвистнул Кюхельман. — И какого черта вас туда несет, ведь армия Паульса уже окружена, все только и мечтают, как бы оттуда выбраться, а вы наоборот стремитесь прямо в лапы к русским.

— Что за пессимизм я слышу от

немецкого офицера, — с деланным негодованием произнес Серьговский. — Нас окружили, но трехсоттысячная армия продолжает героически сражаться, это еще не конец, фюрер пришлет подмогу.

— Не будьте наивны, господин капитан. Окружение очень плотное. Чтобы сражаться, нужно подвозить боеприпасы и продовольствие. Завтра нечем будет воевать, а послезавтра нечего будет жрать. Я думаю, фюрер уже осознал, что эта битва проиграна, и будет готовиться взять реванш за Сталинград в другом месте.

При этих словах у Серьговского замерло сердце, ведь его главное

задание узнать, в каком месте необъятного восточного фронта Гитлер готовит наступательный прорыв. Но вида он не подал, а с пафосом в голосе произнес:

— Может быть, вы и правы, господин фон Кюхельман, но у меня нет другого предписания и долг солдата мне велит возвращаться в свою армию. А уж погибать вместе с ней или побеждать, пусть решит судьба.

— Хороший ответ, господин Биргер, если бы так рассуждали все немцы, мы бы давно одолели русских. Как же вы предполагаете добираться до Сталинграда?

— Поездом до Смоленска, а

оттуда уже самолетом, хотя я не очень-то люблю этот транспорт.

— Полностью с вами солидарен, — обрадовался Кюхельман, — меня просто мутит от этих самолетов. Мой шеф после совещания в Берлине возвратился на самолете, а я сразу сюда на вокзал, потому и не поставил отметки в комендатуре. Ехать мне собственно недалеко, до города Волуйска.

При этих словах Серьговский еле сдержал свое радостное ликование. Такой удачи он никак не мог ожидать. Теперь-то у него появилась уверенность, что задание он выполнит. Хотя в его воинском требовании на проезд значился город

Смоленск, но истинной целью его был город Волуйск, с его штабом Восточной резервной армии. Из разговора с Кюхельманом он уже сумел сделать вывод, что тот является сотрудником штаба армии, и скорее всего, работает в контрразведке, раз обмолвился о том, что выявляет шпионов. Возможность завести приятельские отношения с Кюхельманом была не просто большой удачей, это была уже половина самого сложного дела во всей операции. Серьговский сразу же полез в свой чемодан и достал бутылочку французского коньяка.

— Подлечивался на курортах Франции и прихватил оттуда пару

бутылочек хорошего коньяка.

При этих словах Серьговского Кюхельман облизнул свои губы и, радостно потирая руки, воскликнул:

— Что же мы с вами, господин капитан, напрасно теряем время?

Первую рюмку коньяка Кюхельман проглотил сразу, в два глотка. А вторую, тут же налитую ему Серьговским, смаковал уже не торопясь.

— Вот вы, капитан, наверное думаете, что мы в тылу отдыхаем, а вы воюете. Ошибаетесь, дорогой, в России нет тыла, везде фронт. Партизаны так обнаглели, что я даже сомневаюсь: доедете ли вы до Смоленска.

— Все так серьезно, — ухмыльнулся Серьговский. А про себя подумал: Кюхельман как в воду глядит.

— Не ухмыляйтесь, Биргер, все на самом деле очень серьезно. Даже у нас под носом в Волуйске эти бандиты орудуют, и никакие меры не помогают. Осведомители их действуют четко, передавая информацию о всех наших передвижениях. А потом ищи их в этих непроходимых лесах с проклятыми болотами.

Серьговский, незаметно наблюдавший за Кюхельманом, делал вывод, что тот не так прост, как хочет казаться. «Человек он

наверняка умный и наблюдательный, — отмечал про себя Серьговский, — просто, по всей видимости, относится к той породе людей, которые, разыгрывая из себя простачков, ловят на этот крючок наивных собеседников, вызывая на ответную откровенность. Потому надо быть с ним начеку».

— А вы, Биргер, человек скрытный, — неожиданно переменив тему разговора, сказал Кюхельман, — но честный. Я физиономист, сразу вижу.

Утром на перроне Волуйска они прощались, как старые друзья. Едва поезд отъехал от Волуйска, Серьговский стал собираться. Он накинул на плечи мундир, взял полотенце и направился в туалет. Тщательно заперев дверь, Серьговский стал внимательно наблюдать в окно. Мимо проплывал лес, вырубленный немцами от дороги метров на пятьдесят из-за страха перед диверсиями партизан. Наконец он увидел условный знак и решительно открыл окно. Затем вылез в него и повис на раме, болтая ногами в воздухе. В это время поезд как раз замедлил скорость на повороте. Если бы Серьговский

просто отпустил руки, то наверняка угодил бы под колеса поезда. Но он этого делать не стал. Разведчик уперся ногами в вагон, а потом, с силой оттолкнувшись от него, прыгнул. В прыжке он сгруппировался и свалившись на покрытую снегом насыпь, перекатился по откосу и стал быстро отползать подальше от поезда. Как только его минул последний вагон, раздался взрыв. Вагоны вздрогнули и со страшным скрежетом, разрывая сцепления и нагромождаясь друг на друга, устремились под откос. Тут же раздались пулеметные очереди. Серьговский подскочил и, пригибаясь, побежал в сторону

поезда. Уцелевшие немцы из разбитых вагонов отстреливались от партизан кто как мог. Серьговский прилег у одного из вагонов, достал из кармана револьвер обмотал дуло тряпкой, наставил его на предплечье левой руки, затем, зажмурившись, выстрелил. Замычав от боли, он достал из кармана свое полотенце и с помощью зубов и правой рукой кое-как перетянул рану прямо поверх мундира. Револьвер зашвырнул далеко в снег, а из кармана достал немецкий пистолет Вальтер и выстрелил из него всю обойму в воздух. Вскоре выстрелы смолкли и загудели моторы подъезжающих немецких грузовиков с солдатами.

Солдаты выпрыгивали из машин и тут же, рассредоточиваясь вдоль железнодорожного полотна, открывали огонь в сторону леса. Но ответного огня не последовало. Партизаны словно растворились в лесу. Дело они свое сделали. Теперь Серьговский вполне официально мог остаться в Волуйске, по крайней мере, до излечения раны, полученной в результате «геройского сражения с партизанами». Здесь же, под вагоном, его и обнаружил заместитель начальника контрразведки штаба Восточной резервной армии, оберстлейтнант Эрих фон Кюхельман. Увидев окровавленную повязку на руке

Серьговского, как-то обрадованно воскликнул, протягивая ему руку:

— Вы, Биргер, прямо счастливчик, в такой переделке остались живы, да еще и Сталинграда избежали.

— Я думаю, рана несерьезная, — небрежно бросил Серьговский, — еще повоюем.

— Непременно повоюем, капитан, — сказал Кюхельман, помогая подняться Серьговскому. — Но пока я лично отвезу вас в госпиталь.

На следующий день Кюхельман приехал в госпиталь. Внимательно осмотрел револьверную пулю, вынутую хирургом, и, довольно

хмыкнув, пошел к Серьговскому.

— Вот ваш чемодан, господин Биргер, мои люди разыскали его. Все цело, даже ваша вторая бутылка французского коньяка.

— Возьмите коньяк себе, вы его заслужили.

— Нет, Биргер, мы его вместе разопьем после вашего выздоровления. Между прочим, я передал в штаб армии Паульса о том, что с вами случилось. Пришел ответ, что они очень сожалеют и желают вам скорейшего выздоровления. Кстати, вас там хорошо характеризуют. Оказывается, вы служили в разведывательном отделе штаба. Тогда мы с вами коллеги, это

еще приятней. Вот вам на память пуля, которую вы получили в подарок от партизан, теперь, надеюсь, вы их не будете недооценивать.

III

Через неделю Серьговского выписали, назначив ему двухнедельные лечебные процедуры. Но теперь он мог жить в городе. В первый же день он решил наладить связь с агентурой советской разведки в Волуйске, чтобы передать в Центр информацию. Серьговский зашел в ресторан и сел за крайний столик у

окна. Подошедшему официанту он сказал:

— Говорят, в вашем ресторанчике можно отведать блюда местной национальной кухни.

Это было условным паролем. В ответ прозвучало:

— У нас несколько национальных традиций: польская, белорусская и литовская, но все они чем-то похожи.

— Тогда принесите чего-нибудь на ваш вкус.

После обеда официант принес ему счет, на котором внизу было подписано карандашом: «Через час ул. Глухая 15».

Ровно через час Серьговский

был возле дома по указанному адресу. Там его поджидал официант ресторана Владислав Круцильский, резидент советской разведки в городе Волуйске с 1939 года. Еще до освобождения Западной Белоруссии Советской армией его забросили сюда для агентурной работы, да так и оставили потом. Как оказалось, не напрасно. Серьговский прошел с Владиславом в небольшой одноэтажный домик, крытый красной черепицей.

— Вам ведь надо все равно снимать квартиру, эта бы могла вам подойти. Хозяйка дома пожилая одинокая полячка. Женщина она тихая, скромная. Ревностная

католичка. Я уже ей сказал про вас, что вы подыскиваете квартиру, так она первым делом спросила: не лютеранин ли вы? Я ее заверил, что вы католик, вам ведь все равно.

— Да, мне все равно, — засмеялся Серьговский, — ведь на самом деле я атеист.

— Ну, теперь о деле, — сразу посерьезнел Владислав, — обстановка напряженная. Здесь, как вы знаете, располагается штаб Восточной резервной армии. Вокруг аэродромы, склады. В городе полно офицеров. Естественно, все держится под строгим контролем. Боятся диверсий партизан. Приход в этот дом у вас оправдан поиском

квартиры. А так нам не стоит рисковать. Встречаться будем только в ресторане. Свою информацию я буду писать вам на бланке счета. Сведения для Центра вы будете передавать мне вместе с деньгами за обед. Я уже их буду передавать Коле Пашкевичу, это связной с партизанами. Он будет доставлять ваши донесения в партизанский отряд радисту.

— А разве нельзя, чтобы радист работал здесь в городе? — поинтересовался Серьговский.

— Здесь день и ночь разъезжают пеленгаторы. Городок маленький, быстро вычислят место нахождения рации. Коля парень надежный,

комсомолец. Правда, для прикрытия мы его в церковь устроили работать, алтарником.

— Как в церковь? — удивился Серьговский.

— Это очень удобное и надежное место. Священник, который там служит, сотрудничает с партизанами.

— Вы доверяете попу?

— А что делать, приходится. Тем более поп — наш проверенный товарищ, — усмехнулся Владислав.

— Это еще как понять? — продолжал удивляться Серьговский.

— Зовут его отец Венедикт. В двадцатые годы он переметнулся к обновленцам, активно сотрудничал с

Советской властью по разоблачению тихоновцев. Но незадолго перед войной порвал с обновленцами, раскаялся, и вернулся в лоно Московского Патриархата. В то же время к Советской власти продолжал оставаться активно лояльным. Через него-то мы Колю в церковь пристроили. Вторым священником, отцом Пахомий, ярым тихоновцем, сидел на Соловках. С ним все ясно. Советскую власть ему не за что любить, потому от него мы держимся подальше. Меня только беспокоит, что он дурно влияет на Колю Пашкевича. Я последнее время стал замечать, что парень слишком уж вживается в образ верующего человека и здесь не

последняя роль отца Пахомия.

— Какие у нас есть резервные варианты связи с Центром на случай непредвиденных обстоятельств? — перебил его Серьговский.

— Если что-нибудь случится с Колей, из партизанского отряда пришлют нового связного, который выйдет на меня. Со мной уже сложнее. Вы же знаете, что Центр сузил круг лиц, знающих вас лично, до минимума, ограничившись только мной. Если со мной что-то случится, то придется рисковать и выходить на прямой контакт с Колей. Мы с ним договорились о контрольной встрече. На каждой неделе в субботу и воскресенье третья скамейка от

храма в сквере с левой стороны по ходу, ровно в 15:00. Пароль: Ваши молитвы кому-нибудь помогают? Он ответит: Помогают всем, кто в это верит.

— Странный пароль, — хмыкнул Серьговский.

— Такой сам Коля предложил, сказал, что ему легче его запомнить.

IV

Серьговский не терял времени даром. Прогуливаясь по городу, неизменно заходил на вокзал, подсчитывал прибывшие составы с танками и другим вооружением.

Вечерами сидя в ресторанчике или пивном баре, внимательно прислушивался к разговорам офицеров, выуживая из них нужную для себя информацию. Аналитический склад ума позволил ему, сопоставляя и анализируя все увиденное и услышанное, сделать вывод, что немцы готовятся к серьезному прорыву на восточном фронте. Но где? Ведь это так важно знать, чтобы советское командование смогло заранее перегруппировать свои силы и не дать застать себя врасплох. Несколько раз удалось повстречаться с Кюхельманом. Чувствовалось, что он что-то знает, но излишнее

любопытство могло насторожить контрразведчика. А он был необходим на будущее. В один из вечеров, во время ужина Владислав, меня у Серьговского тарелку, шепнул ему:

— По радио из Москвы сообщили, Паульс сдался.

Это было известие, которого Серьговский давно с нетерпением ждал и на которое был весь расчет операции. Через несколько минут в зале появился Кюхельман. Он подсел к его столику и заказал себе ужин. Пока исполняли заказ, Кюхельман, потягивая пунш, испытывающе посматривал на Серьговского. Тот сидел с беспечным видом, не

торопясь, жевал бифштекс, искусно скрывая свое волнение. Наконец Кюхельман не выдержал:

— Ну, что, капитан, доживаете последние деньки мирной жизни и собираетесь опять в Сталинград?

— Да, уже надоело бездельничать, — как можно равнодушнее промолвил Серьговский.

— Можете не спешить, господин Биргер, в этом уже нет нужды. Сегодня Паульс сдался русским со всей своей трехсоттысячной армией.

— Не может быть, — воскликнул Серьговский.

— Может, дорогой мой друг,

может. Возблагодарите Бога, что вы сейчас не там.

— Но где же честь мундира? Уж лучше бы он застрелился, — продолжал изображать негодование Серьговский.

После ужина, прощаясь, Кюхельман сказал:

— Выздоровливайте, голубчик, и приходите к нам в штаб, люди с вашим опытом всегда нужны.

Это было как раз то, что хотел услышать Серьговский. Первая часть плана операции удалась на славу.

Вот уже как неделю Серьговский служил при штабе Восточной резервной армии. К серьезной информации его не допускали. Но даже те сведения, которые он сумел собрать из косвенных источников, вызвали интерес и одобрение Центра. Серьговский понимал, что спешить и рисковать по пустякам пока не стоит. Необходимо выждать момент, когда откроется возможность добыть главную информацию, ради которой его сюда и направили. А такой информацией могли быть только данные о дислоцировании резервной армии на восточном фронте.

Как-то раз, прогуливаясь в

воскресенье по городу, он вспомнил о Коле Пашкевиче и решил посмотреть на паренька. Было около трех дня. Он прошел в сквер и сел на противоположной стороне от условленного места. Ровно в пятнадцать часов подошел паренек лет восемнадцати и присел на ту самую скамейку. Посидел со скучающим видом минут пять, встал и пошел в сторону храма. Взойдя по ступенькам на паперть храма, он три раза перекрестился и зашел вовнутрь. «Молодец, — про себя отметил Серьговский, — делает все натурально. С такого паренька получится неплохой разведчик». В это время мимо него проходил

высокий худой священник, в длинном сером пальто поверх подрясника и с надвинутой на глаза черной скуфьей. Проходя мимо Серьговского, он мельком глянул на него. Тому показалось, что священник вздрогнул. Уже отходя от Серьговского, священник еще раз оглянулся на него каким-то странным взглядом. То ли удивленным, то ли испуганным. «Неужели он меня узнал?», — эта первая мысль обожгла душу разведчика. Но уже другая мысль посмеялась над первой: «Кого собственно узнавать? С двадцать пятого года я за границей, после сразу арест, а там война. Собственно

в России меня никто и не видел. Здесь я вообще никогда в жизни не появлялся. Ерунда, это у меня от переутомления воображение разыгралось». Но как бы Серьговский себя ни успокаивал, на душе все равно остался неприятный осадок.

VI

Прошел март с его переменчивым настроением, то мороз, то оттепель. Апрель сразу заявил свои права бурным таянием снегов. Серьговский в свое обычное время шел, перешагивая через ручьи,

в ресторан обедать. Настроение у него, как и всегда весной, было приподнятое. Появилось предчувствие каких-то хороших перемен. Но когда его подошел обслуживать какой-то другой официант, хорошее настроение словно испарилось. Отсутствие Владислава его очень взволновало. Но выяснять причину этого он не стал, это могло вызвать подозрение. Вечером он снова пришел в ресторан и опять не обнаружил Владислава. Ночь спал плохо, перебирая все возможные варианты исчезновения Владислава. Утром следующего дня принял решение идти на контакт с Колей Пашкевичем. Другого выхода

не было. Во-первых, надо было выяснить, что случилось с Владиславом, а во-вторых, срочно нужна была связь с Центром. Была как раз суббота. Без четверти пятнадцать он направился в сквер. В сквере он, заложив руки за спину, не торопясь прогуливался. Увидев, что Коля идет к скамейке, он пошел ему навстречу. Проходя мимо, он как бы нечаянно задел его плечом и извинился, в то же время незаметно подложил ему в карман записку. Коля присел на лавочку, а Серьговский, пройдя до конца сквера, тут же развернулся и пошел неторопливой походкой назад. Проходя мимо Коли, он, не глядя в

его сторону, произнес:

— Ваши молитвы кому-нибудь помогают?

Коля, растерявшись от неожиданности, не сразу произнес ответ.

А Серьговский, не останавливаясь, сказал:

— В правом боковом кармане, — и проследовал дальше.

— Помогают всем, кто в это верит, — с запозданием произнес Коля, с удивлением глядя вслед уходящему Серьговскому.

Засунув руку в правый боковой карман пальто, он обнаружил там клочок бумаги, но доставать ее не стал, а пошел в храм. Там в

укромном месте он развернул записку и прочел: «16:00 — ул. Глухая 15. Записку уничтожь». Коля отнес записку в пономарку алтаря и сжег ее в печке. Затем, переждав немного времени, пошел по указанному адресу. Он специально прошел по нескольким близлежащим переулкам, чтобы убедиться в отсутствии слежки. В доме его встретил сам Серьговский и, крепко пожав руку, провел в свою комнату.

— Что случилось с Владиславом, — сразу же задал он вопрос, больше всего волновавший его.

— Заболел. Воспаление легких. Очень высокая температура.

Проболает не менее двух недель. Он меня предупредил, что вы со мною свяжетесь.

— Да, плохи наши дела, Коля. Но ничего, как-нибудь продержимся. Теперь слушай меня внимательно. Встречаться мы с тобой больше не будем, это опасно. Давай подумаем, где мы будем передавать друг другу сообщения.

— Лучше всего это делать на той самой скамейке, — предложил Коля. — С левой крайней ее стороны есть сбоку небольшое углубление. Когда сидишь, можно незаметно положить, а также взять небольшую бумажку, свернутую трубкой.

— Хорошо, будь осторожен. Вот

тебе очередная шифровка для передачи.

VII

Коля как обычно подошел к скамейке, присел на ее край и, закинув ногу на ногу, стал беспечно оглядываться кругом. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, сунул записку в щель скамейки и, посидев немного, направился в сторону храма. Но на самом деле за ним наблюдали и очень внимательно. С одной стороны, сотрудники контрразведки штаба резервной армии Восток, а с другой,

отец Пахомий, стоявший у церковного окна. Как только Коля зашел в храм, он сразу подошел к нему и шепнул:

— Пройди за мной в ризницу.

Коля повиновался. Когда он зашел в ризницу, отец Пахомий с жаром заговорил:

— Времени у нас крайне мало. Потому слушай меня и ради Бога верь мне. Я давно догадывался, что ты сотрудничаешь с партизанами. Как это ни горько, но я должен открыть тебе правду, отец Венедикт вас предал. Об этом я узнал случайно. Не удивляйся этому, предавший однажды, предаст и второй раз. Теперь за тобой следят,

но им нужен не столько ты, как тот, кто придет за посланием, оставленном тобою в скамейке.

— Тогда, отец Пахомий, я должен немедленно пойти и предупредить его, — решительно сказал Коля.

Отец Пахомий схватил его за руку:

— Доверься мне, я все устрою, а ты только навредишь делу. Я сейчас пойду и сяду там, меня ведь не подозревают. А ты выходи через дверь ризницы прямо на кладбище и жди нас у Нюры, она тебя спрячет. Только ради всего святого никуда не выходи. Он открыл дверь ризницы и вытолкнул Колю наружу. Затем

прикрыв дверь, пошел к выходу из храма.

Серьговский в это время шел в сквер, для выемки шифровки из Центра. Но как только он вступил в сквер, сразу почувствовал, что-то неладное. Доверяясь своей интуиции, он тут же замедлил шаг, а затем свернул в рядом расположенный пивной бар. Пристроившись с кружкой пива у окна, он стал внимательно наблюдать. Он увидел, как из дверей храма вышел тот самый священник, который когда-то его так озадачил. Но то, что произошло на его глазах в данное время, не просто озадачило Серьговского, а прямо-таки

ошеломило. Священник быстрым шагом подошел к скамейке, не таясь, вытащил сообщение Центра и опять быстро пошел к храму. За ним с разных концов сквера устремились несколько человек в штатском. Они забежали в храм вслед за священником.

Отец Пахомий, зайдя в храм, направился к алтарю. Когда он уже собирался зайти в алтарь, то увидел, как в храм ворвались преследователи. Он решительно вошел в алтарь, около жертвенника стоял отец Венедикт и облачался в ризы к вечернему богослужению. Отец Пахомий подбежал к столику, запихивая на ходу бумагу с

шифровкой себе в рот. Налил в ковшик кагора и, проглотив бумагу, запил ее вином на глазах совсем оторопевшего отца Венедикта.

— Отец Пахомий, что вы делаете? — воскликнул он.

— Молчи, Иуда, — гневно сверкнул глазами на Венедикта отец Пахомий.

В это время в алтарь ворвались сотрудники контрразведки и набросились на священника.

VIII

Когда отца Пахомия привезли к начальнику контрразведки, Эриху

фон Кюхельману, тот пришел в ярость. Таким его подчиненные еще не видели. Он топал ногами и, брызгая слюной, кричал:

— И это, по-вашему, резидент советской разведки? Даже дураку ясно: для того, чтобы Пашкевичу передавать сведения священнику, их не надо прятать в скамейку. Кстати, где этот Пашкевич? Как исчез? Из-под носа контрразведчиков этот сопляк исчез. Да с кем же я здесь тогда работаю? Если упустите официанта, я всех вас отправлю на восточный фронт, сегодня же. И помните, официант мне нужен живым и только живым.

Владислав сегодня почувствовал

себя намного легче, перелом в болезни произошел. Лежать ему надоело. Он встал, надел халат и присел в кресло, собираясь почитать своего любимого Шекспира. Но только он присел, как раздался стук в дверь. Владислав передернул затвор пистолета и, подойдя к двери, спросил, кто стучит.

— Это я, ваша соседка, Владислав Михайлович. К вам врач пришел, откройте.

«Странно, — подумал Владислав, — никакого врача я не вызывал». Голос соседки ему тоже показался странным. Обычно она так не говорила. Просто говорила: «Открывай, Влад, свои».

— Сейчас, Людмила Кузьминична, открою, только оденусь вначале, — крикнул он и побежал в комнату. Быстро надел валенки, пальто и шапку. Открыл крышку погребца и юркнул вниз. В погребе включил фонарик и сдвинул в сторону полку с банками, за ней оказался лаз. Прополз метров пять и, выбравшись на поверхность, оказался в своем сарайчике. Отодвинув в сторону две доски, выбрался наружу. Теперь он был на городском кладбище. Идя по кладбищу, он боковым зрением заметил двух в штатском и сразу все понял. Развернувшись, Владислав пошел в глубь кладбища по центральной

дорожке. Навстречу ему двигались сразу три человека. Владислав резко свернул в сторону на узкую дорожку и пошел между могильных надгробий. Но увидев впереди себя еще двоих, словно выросших из-под земли, он понял, что обложен со всех сторон и ему не уйти. Тогда приостановившись, Владислав спокойно, с улыбкой, пошел им навстречу. Они тоже одобрительно улыбнулись ему в ответ: мол, правильно делаешь, суетиться бесполезно. Когда расстояние между ними сократилось до пяти шагов, Владислав выхватил пистолет и уложил обоих наповал двумя выстрелами. А сам тут же укрылся за

могильными плитами. Окружавшие его в штатском тоже попрятались. Затем стали перебежками, от могилы к могиле, сужать вокруг него кольцо. Владислав скинул шапку и, прислонившись головой к холодному гранитному надгробию, с иронией произнес: «Нет, ребята, в кошки-мышки я с вами играть не буду». — Затем задрал голову и посмотрев на бездонную глубину неба, печально сказал: «Хотелось бы в рай да грехи не пустят. Но уже к вам, фашистам, в ад, точно не хочется». — С этими словами он приставил ствол пистолета к виску и выстрелил.

В этот же день придя в штаб, Серьговский узнал все подробности. Причем все это ему рассказал сам Кюхельман. О том, что Колю Пашкевича выдал отец Венидикт. Кюхельман велел установить за Колей наблюдение. Его проследили, как он ходил навещать больного Владислава. А затем выследили, как он закладывал передачу в скамейку. Решили дождаться основного резидента советской разведки, но все дело испортил отец Пахомий.

— Итак, что мы с вами имеем, капитан Биргер. Официант, несомненно, резидент советской разведки — убит. Пашкевич, исполняющий роль связного, исчез

неизвестно куда. В наших руках только этот русский священник, это единственная пока ниточка к шпионской резидентуре. Я уверен, он много знает. Мои ребята уже работают с ним, результатов пока нет. Поезжайте, Биргер, в тюрьму и сами допросите этого священника. Я уверен, у вас это получится.

Подходя к тюрьме, Серьговский в который раз задавался вопросом: «Почему Кюхельман так со мной разоткровенничался? Ведь до этого момента он даже не посвящал меня в план операции. А теперь поручает допрос священника. Значит, он меня подозревает». Когда Серьговский расположился в кабинете, куда

должны были привести на допрос священника, то его подозрения подтвердились. Достаточно было его беглого взгляда, натренированного замечать разные мелочи, чтобы понять: у этого кабинета есть глаза и уши. «По всей видимости, Кюхельман сам лично будет наблюдать этот допрос», — подумал Серьговский.

Вскоре ввели, а вернее вволокли в кабинет отца Пахомия и усадили его на табуретку. Серьговский взглянул на священника и память разведчика, мощным рывком, бросила его на два десятилетия назад.

Вот он, молодой следователь ЧК

сидит в своем кабинете на Лубянке, к нему, так же вот, вволакивают священника. Лицо, отекшее от избиений, да и весь вид его какой-то жалкий. В глазах отражена боль, тревога, скорбь. Нет только в них страха и смятения, а скорей наоборот, решимость страдать до конца. Потому Серьговский понимает, что ему нечего спрашивать у этого человека, он никого не назовет и ничего не подпишет. Да и собственно руководство ЧК не требует какого-то расследования. Виновность всех попавших сюда предрешена. Нужно только, чтобы один подследственный потянул за собой как минимум еще

нескольких человек. А отец Пахомий упрямится, никого не называет, хотя ему даже подсказывают, кого можно назвать соучастником.

— Вы продолжаете упорствовать, гражданин Ключаев, и не хотите признать, что создали тайную контрреволюционную организацию?

— То, что вы называете контрреволюционной организацией, было всего лишь кружком любителей богословия и философии.

— Ну, хорошо, назовите участников этого, так называемого, кружка.

— Я никого называть не буду.

— Почему бы не назвать, если

это всего лишь безобидный философский кружок.

— Потому что вы их тоже будете обвинять в контрреволюции.

— Но мы их и так всех знаем.

— Для чего же тогда спрашиваете?

— Для того, чтобы сверить ваши показания с нашими данными.

— Сверяйте лучше свою совесть с тем, что вы делаете, а я больше ничего не скажу, — сказал устало священник и стал что-то беззвучно шептать.

Серьговский догадался, что отец Пахомий читает молитвы. Больше он действительно ничего не сказал до самого конца следствия. Но его

последней фразы хватило Серьговскому на всю жизнь. Ему вдруг стало мерзко и противно от того, что он делал в ЧК. Потому, когда его вскоре перевели, благодаря знанию немецкого языка, в разведку, он вздохнул с большим облегчением.

Да, перед ним опять сидел отец Пахомий. Изменившийся, постаревший, но глаза все те же. Хотя в его взгляде есть что-то новое, в нем сквозит насмешка: «что, мол, гражданин следователь, вот мы и повстречались». Как он мог не узнать его там, в сквере. Наверное, потому, что все эти годы упорно изгонял из своей памяти все связанное со следовательской

работой в ЧК. И все равно, нет-нет да и, а иногда во сне, приходят к нему подследственные и молча, с укором смотрят на него. Усилием воли он отогнал от себя нахлынувшие воспоминания и, кивнув переводчику, начал допрос:

— Вы работаете на советскую разведку?

— Я служу только одному Богу.

— Если бы вы служили только Богу, то не оказались бы здесь. Вас видели, как вы из тайника взяли записку, положенную партизанским связным. Затем, по свидетельству священника Венидикта, вы съели эту записку. Почему вы это сделали?

— А вы догадайтесь сами,

почему я это сделал, — криво улыбнувшись разбитой губой, сказал отец Пахомий.

— Мы ни о чем догадываться не будем, нам нужны только факты. И мы их от вас получим, чего бы это ни стоило. Но мы можем не доводить до крайностей, если вы скажете, кому предназначалась эта записка и где сейчас Пашкевич.

Отец Пахомий посмотрел печально на Серьговского и с тоской в голосе воскликнул:

— Как же вы все одинаковы и зачем вы друг с другом воюете, если вы похожи как две капли воды? Зачем льете кровь человеческую?

Серьговский растерялся от

такой неожиданной тирады. Но понимая, что молчать нельзя, спросил:

— О чем вы говорите?

— О том, что фашисты ничем не отличаются от коммунистов. Красные флаги, партийные съезды, тюрьмы и лагеря и та же цель: погасить в человеке образ Божий и превратить его в бессловесного раба. Но если бы это было только так, я бы не стал брать ту записку. На самом деле это не так, враг попирает мое Отечество и я плюю на ваши угрозы, — при этих словах отец Пахомий встал и плюнул на Серьговского, попав ему прямо в лицо. Серьговский растерянно

подскочил со своего стула. А конвоиры, набросившись на священника, сбили его с ног на пол и стали пинать ногами.

— Прекратить, — закричал Серьговский и потом уже более спокойно добавил, — нам он нужен живой. Увести арестованного и до особого распоряжения майора Кюхельмана не трогать.

Кюхельман остался доволен результатами допроса.

— Молодец, Биргер, вы этого священника вывели из себя, это уже хорошо. До вас он на допросе просто молчал. Думаю, результаты будут. Завтра возьму одного специалиста из гестапо, у него он заговорит. Это я

вам обещаю.

X

Серьговский в смятенных чувствах сидел в отделе контрразведки штаба. Как помочь отцу Пахомию? У него не было и тени сомнения в том, что тот его не выдаст. Но имеет ли он моральное право оставить священника на мучения фашистам. Ведь по сути дела отец Пахомий, подставив себя, спас его. Серьговский поймал себя на мысли, что он рассуждает о морали, когда для разведчика существует одна мораль: цель

оправдывает средства. Другой морали для него инструкциями не предусмотрено. Имеет ли он право рисковать выполнением задания ради спасения человека? Не имеет, — подсказывал холодный рассудок разведчика. Имеет — говорило его сердце. И впервые в своей жизни Серьговский послушал свое сердце, вопреки здравому рассудку. Когда он принял это безрассудное решение, ему стало легко и радостней на душе. Он даже тихо засмеялся и тут же в его голове родился план, смелый, отчаянный, но безрассудный, как и его решение.

Рабочий день подошел к концу и пунктуальные во всем немцы ровно в

шесть часов стали расходиться. В отделе должен остаться только дежурный офицер и охрана. Серьговский заранее отпечатал на гербовом бланке требование к начальнику тюрьмы выдать ему отца Пахомия на два часа, для следственного эксперимента. Он старательно подделал подпись Кюхельмана, теперь необходимо поставить печать. Ровно в восемнадцать часов все сотрудники выходят, а в восемнадцать десять дежурный офицер обходит кабинеты с проверкой. Значит у него в запасе только десять минут, чтобы достать печать из сейфа Кюхельмана. Ровно в шесть вечера Серьговский вышел из

своего кабинета, но направился не к выходу, а в кабинет Кюхельмана. Открывать замки любой сложности он специально обучался в Москве у лучшего медвежатника России, которого специально из Бутырок привозили к ним в учебный центр каждый день в течение месяца. Дверь в кабинет открыл за пять секунд. С замком сейфа пришлось повозиться. Когда он уже шел на выход, его в коридоре встретил дежурный офицер.

— Что-то вы сегодня задержались, господин капитан.

Серьговский, козырнув офицеру, пожаловался:

— Кюхельман столько работы

навалил, что скоро будем ночами здесь просиживать.

— Сегодня я буду за вас ночью отдуваться, а вы пропустите за меня рюмочку пунша.

— Это я как раз иду в бар и с удовольствием это сделаю, — засмеялся Серьговский.

Пока было еще светло, он действительно решил зайти в бар. Там за столиком с картами он увидел Кюхельмана. Тот подозвал его к себе.

— Не хотите ли составить нам компанию в преферанс?

— Нет, господин майор, у меня что-то разболелась голова, хочу пропустить рюмочку бренди и идти

спать.

— Это у вас после допроса. Хотя, надо заметить, выдержка у вас завидная. Я бы, наверное, не сдержался так, если бы мне плюнули в лицо. Хорошо, идите отдыхать, завтра вы мне нужны свежим, будет много работы. Сегодня прилетает начальник штаба с совещания из Берлина, так что вскоре, думаю, начнем выдвигаться на восточный фронт.

Это известие бросило в пот Серьговского. Вот оно, ради чего он сюда прибыл, и потому священником придется пожертвовать. Разум делал последние отчаянные попытки убедить Серьговского не слушаться

сердца. Серьговский вышел из бара, вновь раздираемый сомнениями. До начала сумерек у него был почти час времени. Он зашел к себе домой.

Хозяйка дома, пани Залковская, предложила ему чашечку кофе. Он в знак согласия кивнул головой и молча сел в кресло. Когда она принесла ему кофе, Серьговский вдруг обратился к ней с вопросом:

— Я вижу, пани Катрин, вы человек религиозный. Ответьте мне на вопрос, допустимо ли с христианской точки зрения замучить пытками одного человека, чтобы через это спасти многих?

— Как это? — не поняла вопроса женщина.

— Идет война, — начал он свое объяснение, — в плен попадает вражеский солдат. Он знает военные секреты, благодаря которым бой можно провести более успешно и тем самым сохранить жизни сотням людей. Но этот человек не хочет рассказывать эти секреты. Можно ли его с христианской точки зрения пытаться, чтобы спасти жизни сотням своих солдат.

— Я поняла вопрос, — сказала пани Залковская, — и замолчала, обдумывая ответ. — Думаю, — начала она, — что пытаться и убивать беззащитного человека нельзя, даже ради спасения тысяч людей и вот почему. Пока он в бою идет на тебя с

оружием, он враг твоего Отечества, и христианский, и воинский долг велит остановить его, тоже с помощью оружия. А значит это уже не убийство. Но как только он попал к тебе в плен, он уже не может причинить вреда твоей стране, а значит он не враг, а человек, находящийся всецело в твоей воле. Он, как и ты, создан по образу Божью. Ты обязан исполнить заповедь любви, даже к врагу, так учит Господь. Ты должен позаботиться о нем, вылечить и накормить его. Если он совершил преступления во время войны, тогда судить по закону, а не пытаться. Представьте себе, если бы ученый

врач мучил людей, ставя на них жестокие опыты, и в результате этого достиг бы очень хороших результатов. Эти результаты бесчеловечных экспериментов на людях позволили бы потом спасти жизни тысячи больных. Спрашивается, можно ли, ради этого, оправдать палача в белом халате? Простите, что так долго и путано объясняла, но вопрос очень сложный.

— Спасибо, пани Катрин, вы очень хорошо все объяснили. Я пойду, у меня еще есть дела.

— Помогите вам Бог в ваших делах, я уверена, что вы пойдете делать доброе дело.

После беседы с хозяйкой дома у Серьговского наступила спокойная уверенность в том, что он выбрал правильный путь. Больше нельзя было терять ни минуты. Он решительно направился в сторону тюрьмы. Дежурному начальнику тюрьмы он сунул под нос бумагу:

— Распорядитесь немедленно привести ко мне арестованного священника и выделите для его перевозки автомобиль. Его необходимо свозить для опознания убитого русского шпиона. Через два часа он будет доставлен назад в тюрьму.

Изучив бумагу, дежурный начальник тюрьмы все же возразил:

— Но я не могу выдать вам его без личного распоряжения господина Кюхельмана.

— Это и есть личное распоряжение Кюхельмана, разве вы не видите бумагу?

— Но почему тогда он мне не позвонил? — не сдавался дежурный.

— Потому что плохо работала телефонная связь, а теперь господин Кюхельман выехал встречать начальника штаба. Которому сегодня же надо доложить о результатах нашей работы. Если мы не выполним приказа, то будет плохо нам всем, а в первую очередь вам. Поезжайте

тогда со мной вместе, если не доверяете документу.

— Да я доверяю, — смутился дежурный, — просто порядок есть порядок. Хорошо, я позвоню начальнику тюрьмы и если он разрешит, то, пожалуйста.

— Звоните кому хотите, только побыстрее, время не терпит, — сказал раздраженно Серьговский, а в душе у него все сжалось в стальную пружину. В голове стали прокручиваться всевозможные варианты действий в случае отказа начальника тюрьмы.

Начальник тюрьмы, к счастью, оказался в прекрасном расположении духа, так как обыграл

в преферанс Кюхельмана. На радостях он изрядно выпил. Вспомнив, что сегодня он уже видел, как Серьговский приезжал в тюрьму допрашивать священника, а потом видел его в баре о чем-то беседующим с Кюхельманом, он даже не стал напрягаться, чтобы поразмыслить, надо ли выдавать задержанного священника без личного звонка Кюхельмана, а закричал в трубку:

— Вы что там совсем разучились самостоятельно думать. Пусть расписывается и забирает попа, больше мне по таким пустякам не звоните.

Дежурный по тюрьме тут же

велел привести священника, и спросил:

— Вам в сопровождение дать двух конвойных или хватит одного?

— Я что же с одним священником не справлюсь. Давайте мне только водителя и машину.

Отца Пахомия вывели со связанными руками. К дверям тюрьмы подогнули грузовую машину. Серьговский распорядился гнать водителю в сторону аэропорта. Сам со священником сел в кузов. Когда проехали два квартала от тюрьмы, Серьговский постучал по кабине водителя и попросил остановиться.

— Помогите мне снять с

машины задержанного, — прокричал он водителю.

Водитель вышел из кабины и пошел открывать задний борт машины.

Но только он подошел, как Серьговский ударил его по голове рукояткой пистолета. И уже обмякшего быстро связал по рукам и ногам. Затем сунув в рот кляп, отволлок за дорогу в кусты. Перерезав веревки на руках священника, он попросил его пересесть в кабину. Сам сел за руль и погнал машину.

— Вы куда? — спросил о. Пахомий.

— До леса, а там к партизанам будем пробираться. Жаль Коли с

нами нет, он-то дорогу хорошо знает.

— Я знаю, где Коля, сворачивайте сейчас налево, тут совсем рядом.

Серьговский послушно повернул. Но когда уже должен был переезжать дорогу, ведущую в аэропорт, то увидел несущийся по ней автомобиль начальника штаба в сопровождении двух мотоциклов. Разум сработал мгновенно, он прибавил газу и, выскочив из переулка, протаранил впереди идущий мотоцикл. Легковая машина едва успела уйти от удара, резко свернув вправо, но водитель заднего мотоцикла не справился с управлением и, перевернувшись,

полетел в кювет. С переднего сиденья легкового автомобиля выскочил офицер сопровождения с пистолетом в руке. Но Серьговский опередил его. В прыжке из своей кабины он успел выпустить в него две пули. Водитель автомобиля попытался завести машину, но в это время привлеченный выстрелами выбежал из дома Коля, и в два прыжка подскочив к машине, рванул дверцу и выволок водителя. Тот было хотел схватиться за пистолет, но юноша нанес ему мощный удар в челюсть. Немец полетел и, стукнувшись головой об автомобиль, затих. Серьговский подскочил к задней дверце. Распахнув ее, он

увидел на заднем сиденье начальника штаба, сидевшего в каком-то оцепенении, с зажатым в руках портфелем. Нападение было столь молниеносно, что он даже не успел сообразить, что ему делать. Увидев Серьговского, он облегченно вздохнул:

— Капитан Биргер, доложите, все ли бандиты уничтожены.

— Все, кроме вас, — с усмешкой сказал Серьговский.

— Как прикажете это понимать? — вскричал в гнев полковник.

— А так и понимайте, что вы взяты в плен, и я гарантирую вам жизнь, если вы не будете

сопротивляться.

— Так вы предатель? —
воскликнул полковник.

— Я не предавал своей Родины,
просто они у нас с вами разные. Вы
на мою напали и я защищаюсь.

И уже по-русски крикнул:

— Все в машину.

Коля сел за руль, рядом с ним
Серьговский, а о. Пахомия посадили
с полковником. При этом
Серьговский забрал у начальника
штаба портфель и пистолет. Сидел к
нему вполоборота, предупредив, что
если тот шелохнется, он его тут же
пристрелит. При выезде из города на
КПП были удивлены, увидев снова
машину начальника штаба, но уже

без сопровождения. Коля сидел впереди за рулем в немецкой форме. Как только подъехали к шлагбауму, Серьговский закричал:

— Что вы копаетесь, открывайте быстрее, прилетел лично господин Геббельс, мы можем опоздать к его встрече.

Полковнику он велел лишь махнуть в окно рукой. Перепуганные таким громким именем, охранники КПП бросились открывать шлагбаум. Машина неслась по дороге, а Серьговский просто не мог поверить этому везению. У него в руках документы по дислоцированию резервной армии Восток. Но можно ли назвать это везением? Наверняка

уже поднята тревога и за ними начнется охота. Успеют ли они к партизанам? Коля говорил, что главное добраться до Ганина болота, а там он знает проходы, немцы туда не сунутся, там одни топи. Вскоре они свернули на лесную дорогу. Но проехать по ней далеко не удалось. От весенней распутицы все дороги раскисли и машина застряла.

XII

— Дальше придется идти пешком, — сказал с сожалением Коля. — Тут не так уж и далеко, километров пять будет.

— С этим жирным боровом мы далеко не уйдем, — кивнул в сторону полковника Серьговский, — придется его оставить.

— Может в расход его? — предложил Коля.

— Я пленных не расстреливаю, — сказал Серьговский, — давайте только пойдем в противоположную сторону, чтобы, когда они его найдут, он указал им ложный след.

Полковника связали и оставили в автомобиле. Пройдя немного, свернули опять в противоположную сторону. При этом Коля стал рассыпать махорку, чтобы сбить со следа собак.

— Вряд ли это поможет, — с сомнением покачал головой Серьговский. Они, скорее всего, задействуют огромную массу народа и пойдут по лесу цепью. Так что уйти от них удастся, только если вовремя доберемся до твоего болота.

Шли быстрым шагом. Отцу Пахомию после тюремных истязаний было тяжело, но виду старался не подавать, понимал, что надо спешить. Коля шел легко, несмотря на то, что он нес два немецких автомата и несколько рожков с патронами. Сказывалась не только молодость, но и радостное возбуждение. Можно сказать, он был слегка опьянен своим успешным

участием в боевой операции. Все время вспоминал, как он нокаутировал немецкого водителя.

— Я в школе боксом занимался, а теперь вот пригодилось.

Как отец Пахомий ни старался поспевать за Серьговским и Колей, но вскоре стал все больше отставать. Так что иногда им приходилось поджидать его.

— Все, привал, — объявил Серьговский и первый присел на поваленное дерево.

Он вынул из портфеля документы и стал их рассматривать. Просмотрев несколько бумаг, он даже присвистнул:

— Ого, братцы! Цены нет этим

документам. Надо их срочно в Москву.

— Вы вот что, Глеб Эдуардович, — сказал вдруг о. Пахомий, — давайте вы с Колей вперед идите, а я уж как-нибудь потихоньку, раз нам Бог в руки такие документы дал, значит, их надо побыстрее доставить. А то и сами со мной пропадете, и нашей армии помочь не сможем.

— Да что вы, батюшка, такое говорите, — заволновался Коля. — Ведь как здорово, что вы с нами идете. Будет у нас свой партизанский священник. Там многие мне завидуют, что я на службе Божией бываю и причащаюсь.

— Нет, Коля, батюшка прав, можем не успеть, — и Серьговский развернул карту. — Вот здесь начинаются Ганины топи, но со стороны деревни Вязни нас немцы могут успеть отрезать от болота. Так что давай, Коля, на тебя вся страна смотрит, бери документы и дуй во всю мочь. А я отца Пахомия бросить не могу, не для того спасал. Мы с ним выдвинемся вот к этому перелеску и если увидим немцев, то постараемся задержать их. Так я говорю, батюшка?

— Так да не так, — покачал головой о. Пахомий, — зачем нам вдвоем погибать, когда вы можете спастись.

— Без вас мне уже нет спасения, — улыбнулся Серьговский.

— А может все-таки вместе, — продолжал настаивать Коля.

— Отставить всякие разговоры и выполнять приказ, — сурово сказал Серьговский и уже мягче добавил, — я ведь сюда ради этих документов прибыл, столько сил затрачено. Владислав погиб. Правильно батюшка говорит, нам Бог их послал, по другому это и представить нельзя. Так что иди и выполняй Божие дело. Портфель весь брать не надо, а вот эти бумаги сунь себе за пазуху.

— Ну, раз так, то благословите меня, отец Пахомий, добратся до своих.

— Вручаю тебя в руки Господа и Его Пречистой Матери, сын мой. Иди с миром, да вспоминай меня в своих молитвах.

Коля поцеловал у о. Пахомия руку, а тот, прижав его голову к своей груди, поцеловал в макушку. Затем Колю обнял Серьговский. Потом, взяв у него один автомат и рожки с патронами, хлопнул по плечу:

— Ну, беги, герой.

Тот пошел, несколько раз оглядываясь, а потом побежал и вскоре скрылся между деревьями. Серьговский сложил рожки с патронами в портфель и они со священником пошли вслед за Колей.

— Когда вы Колю благословляли, — сказал Серьговский, — то мне тоже очень захотелось, чтобы вы меня благословили, но мне, наверное, нельзя, я ведь не крещеный.

— Благословить на доброе дело можно любого человека, — ответил о. Пахомий, — но почему вы не крещеный?

— Родился в Германии. В семье профессиональных революционеров, идейных безбожников. О крещении в нашей семье и вопрос не стоял.

— А хотите сейчас креститься?

— Да что вы, батюшка, смеетесь, поздно уже мне об этом думать.

— Нет, дорогой Глеб Эдуардович, креститься никогда не поздно. Господь одинаково приемлет пришедшего и в первый, и в одиннадцатый час.

— А что для этого нужно? — заинтересованно спросил Серьговский.

— Самое главное, что нужно для крещения, это вера.

— Да кто же не верит в существование Бога. Мне кажется, что даже самые ярые безбожники в Бога веруют, потому-то и с Ним борются.

— Правильно мыслите, Глеб Эдуардович, — засмеялся о. Пахомий, — ибо в Писании сказано,

что бесы веруют и трепещут, а злые дела все же творят. Для крещения одной веры в существование Бога недостаточно. Нужна вера не в Бога, а вера Богу. Эта вера — есть доверие Ему. Вера в то, что сказанное Им, есть Истина. А Он сказал: «Кто верует в Меня и крестится, тот спасен будет, а кто не верует, осужден будет».

Какое-то время они шли молча, каждый думая о своем. Справа раздался лай немецких овчарок.

— Ну вот, кажется конец нашему путешествию. Побежали, батюшка, вон к той ложбинке, она будет для нас окопом.

Прямо возле березки была

круглая яма, по всей видимости воронка от бомбы. В нее и залегли беглецы. Серьговский разложил около себя рожки от автомата и несколько лимонок. Потом повернулся к о. Пахомию.

— Знаете, батюшка, о чем я сейчас думаю. Приблизилась та черта, возле которой лгать нельзя ни себе, ни людям. Я долго жил за границей, много читал наших замечательных русских философов: Бердяева, Булгакова, Франка и других. Умом я все уже стал понимать, а вот веры, о которой вы сейчас говорили, у меня не было. А теперь есть. Ведь я вам поверил и доверяю всем сердцем. А вы верите,

то есть доверяете Богу. А раз я вам доверяю, значит через вас и Богу. Вот так у меня получается. Я искренне раскаиваюсь за все зло, которое совершил в своей жизни, и прошу у Бога и вас прощения. Если это возможно, то хотел бы креститься. Но решать это вам, батюшка.

— Дорогой мой человек, Глеб Эдуардович, прости и ты меня, ради Христа. За то, что там, на Лубянке не разглядел в тебе образа Божия, а считал сыном погибели. Заменял суд Божий своим человеческим, греховным судом. Забыл, что Господь пришел на землю не судить, а спасти человека. Конечно, я тебя

крещу, ибо вижу сердцем, что Бог тебя принимает как любящий Отец. Могу ли я грешный отвергать то, что Бог принимает.

— Жалко крестного отца у меня не будет, — печально сказал Серьговский.

— Принимающим крещение в сознательном возрасте не обязательно иметь крестных, — успокоил его о. Пахомий.

— А я, батюшка, поверите ли, всю жизнь мечтал о крестном отце. В моем детстве родители практически не уделяли мне внимания, так как полностью свою жизнь посвятили идее мировой революции. У меня был друг, мой

одноклассник и к нему каждое воскресенье приходил крестный отец. Он брал его за руку и уводил гулять. Иногда они брали меня с собой. Мне было очень завидно и обидно до слез за то, что у меня нет крестного отца.

Отец Пахомий улыбнулся:

— Хорошо, если вы согласны, я буду вашим крестным отцом, — подытожил разговор о. Пахомий и стал произносить молитвы.

Затем троекратно спросил Серьговского, отрекается ли он от сатаны, тот трижды отрекся. Потом он предложил ему дунуть и плюнуть на сатану, отвернувшись на запад. Это Серьговский сделал с большим

удовольствием, так как именно там была ему ненавистная фашистская Германия. Когда подошел момент самого крещения, то о. Пахомий стал растерянно оглядываться кругом, так как вспомнил, что у них нет воды. Увидев в небольшой ложбинке немного оставшегося талого снега, обрадовался. Взяв двумя руками пригоршню снега, он встал над стоящим на коленях Серьговским.

— Крещается раб Божий Глеб, во имя Отца, аминь, — при этих словах он сжал ладони и по лицу Серьговского потекли прохладные струи.

Когда о. Пахомий в третий, последний раз выжимал на него

воду, то вместе со словом «Аминь» грянул выстрел и по лицу Серьговского потекли уже не холодные, а горячие струи, с соленым привкусом. Он подхватил падающего о. Пахомия. Положив его осторожно на землю, он бережно приподнял ему голову и подложил под нее свой китель.

— Крестный, дорогой, ты только не уходи без меня. погоди немного, я Коле нашему помогу до своих добраться. А потом ты возьмешь меня за руку и мы с тобой пойдем. Ведь тот мир, я уверен, намного лучше этого. Но я плоховато разбираюсь в нем, и могу там один потеряться. А с тобой, моим

крестным, мне будет спокойней.

Отец Пахомий, открыв глаза, вымолвил:

— Не переживай, крестник, я подожду.

— Ну вот и хорошо, — обрадовался Серьговский.

Он взял автомат и стал вести по цепи немцев прицельный огонь. Те залегли, постепенно сужая кольцо перебежками. Вскоре закончились все патроны. Он привстал, чтобы бросить гранату. Толчок в грудь опрокинул его на землю. Собрав последние усилия, он подполз и лег рядом с о. Пахомием, коснувшись его руки. Батюшкина рука дрогнула, а затем слабо, но все же сжала руку

крестника.

— Крестный, я ведь с вами еще о многом хочу поговорить.

— Еще успеем, крестник, наговориться, ведь впереди у нас вечность.

Над ними склонились немецкие автоматчики. Затем они расступились, пропуская вперед начальника контрразведки Эриха фон Кюхельмана. Истекающий кровью Серьговский смотрел на Кюхельмана и в глазах его тот не увидел ни страха, ни мольбы о пощаде, никакого смятения. В них была просто задумчивая глубина. На его груди лежал портфель

начальника штаба и это обстоятельство больше всего обрадовало Кюхельмана.

— Ну что, господин Биргер, или как вас там еще назвать, вы, как это говорят русские, чуть было меня не переиграли.

И он, нагнувшись, взял портфель.

— Почему же, «чуть было»? — улыбнулся Глеб и разжал правую руку, лежащую до этого под портфелем. Из нее выкатилась граната с сорванной чекой.